

ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКИЙ ФЕЛЬЕТОНЪ.

Скучная история.

I.

Осудивше въ области художественной литературы даже просто беллетристики въ не безнормности замѣтно въ настоящее время — время, такъ сказать, «среднединамическое». Все редакторы и издатели изъ всехъ силъ стараются во всемъ живости разнообразить свои книжки, и тѣмъ не менѣе нечего путаго дать своимъ читателямъ не могутъ. При этомъ добываютъ то, что недостаткомъ въ беллетристическихъ произведенияхъ вовсе не замѣтеть, или, по крайней мѣрѣ, не такъ рѣзко бросается въ глаза въ заданияхъ аэробныхъ, экономическихъ и даже эсхологическихъ. Каждое такое задание, какъ наша, куда не важны иллюстраціи, въ сажу не упорѣ дать по несколько рассказовъ, а въ будущемъ обѣщать цѣлое литературное богатство, хранящееся въ вѣрфѣ редакціи. А между тѣмъ «столетнее» журналы престо, можно сказать, переживаютъ «слезы». Даже всегда аккуратный и въ канцелярской стесненіи разборчивый «Вѣстн. Е.-р.» не воспротивился напечатать нѣсколько рассказовъ и водъ надѣтъ рассказа какую то великую, дѣтски наивную апологию европейскаго «своиго» (читателя) написанную европейскимъ писателемъ. Кажется, уже дальше этого сдѣлать нежелать войти литературное осужденіе. Очевидно, что писать критические рассказы съ критическими людьми, критическими мыслями и критическими чувствами у насъ еще есть мастера, и такіе рассказы находятъ себѣ отличное «спонсорство» въ разныхъ редакціяхъ съ пріемлей; но на требованія большихъ журналовъ, хотя эти требованія въ сущности куда какъ не велики, уже дѣтъ никакого отвѣта.

При такихъ условіяхъ понятно, что каждое новое произведеніе тѣхъ великихъ писателей, которые все еще читаются въ разрядѣ «своихъ» великихъ, или другихъ слованахъ, тѣхъ, на которыхъ еще нельзя окончательно рухнуть нахнутой — обрамлять на себя нѣкоторые особенное вниманіе. Все вѣдъ думается, хочется думать, что должно настать время этому переходному времени, которое является такъ мучительно долго, должно развиться этотъ европейскій труданъ, свѣдѣть малейшій

на все окружающее; все хочется надѣяться на то, что —

вновь гармонией унылся,
Надъ нимисловъ слезами обольюсь.

Поэтому каждое такое произведеніе начинаешь читать прямо даже не безъ нѣкотораго трепета.

Къ числу писателей, отъ которыхъ все еще ожидаютъ чего-нибудь хорошаго, относится безспорно А. П. Чеховъ, который до сихъ поръ показать только, что онъ уметь прекрасно, талантливо рассказывать, но вѣдѣтъ съ тѣмъ какъ бы шутить съ своимъ дарованіемъ, заминается только мелкими, пусташими предметами и такимъ образомъ только драматизировать своихъ поклонниковъ. Если хотите, именно этотъ несомнѣнно даровитый писатель нежелать служить наилучшей иллюстраціей переживаемой нами эпохи. Много наблюдательности, и дѣлать очень тонкой, достаточно умѣній живо и нѣтко характеризовать предметъ, полное обладаніе техникой сочинительства — кажется, чего лучше? Все средства къ тому, чтобы быть выдающимся бытописцемъ, и однако все напрасно. Нѣтъ идеи, которой одухотворилась бы дѣятельность этого писателя, и все его средства остаются безплодными. Покуда онъ пишетъ маленькіе рассказы, или вѣрфѣ, на лету схваченные эскизы, какъ привидится: никакаго требованій не предъявляется, смотрите на произведеніе какъ на кусочки вѣрно скопированной жизни и готовы хвалить автора. Но какъ только онъ расширяетъ рамки своей задачи, начинаются отражать сущность окружающей жизни, осмысливать явления онъ и такъ сказать, твердить судъ надъ жизнью, тотчасъ же обнаруживается не-«обыкновенное» убожество писателя, который какъ то сразу теряетъ все свое обаяніе.

Г. Чеховъ не разъ пытался выйти изъ узкой сферы тѣхъ эскизовъ и набросковъ, которые когда-то дали ему такой большой успѣхъ, но все попытки его были напрасны. Мастерское умѣніе рассказывать, конечно, замѣчалось и въ этихъ опытахъ, но здѣсь оно отходило уже на задній планъ, а такъ какъ то, что должно составлять центръ, главную основу каждого серьезнаго произведенія — обладающая все идеи — отсутствовало, то и все произведеніе, независимо отъ умѣнія рассказывать, производило крайне слабое впечатлѣніе. И къ сожалѣнію, совершенно то же приходится сказать и о нѣкоторыхъ произведеніяхъ Г. Чехова, появившихся въ послѣдней книжкѣ «Русской Мысли». И здѣсь все достоинства рассказа этого писателя на лицо, но и недостатковъ тѣ же, вѣрфѣ, недостатковъ однихъ, за то стоящихъ всѣхъ другихъ — отсутствіе ясно-осознанной идеи, во имя

которой явилось данное произведение. Именно это отсутствие идеи, отсутствие, если можно так выразиться, цельсообразности въ самомъ замыслѣ автора дѣлаетъ его рассказъ не художественнымъ произведениемъ, полнымъ смысла и значенія, а лишь скучной исторіей, которую даже съ трудомъ приходится одолевать, исторіей скучной безъ начала и безъ конца, а вмѣстѣ съ тѣмъ и безъ всякаго значенія.

II.

Авторъ переноситъ насъ въ уѣздный городъ. У каждаго изъ читателей, конечно, есть известное представленіе объ уѣздномъ городѣ нашего обширнаго отечества, но то, что мы увидимъ здѣсь, едва ли входитъ въ наше обыкновенное представленіе. Вотъ, между прочимъ, въ какой состояніи находится въ этомъ городѣ «богоугодное заведеніе».

«Въ палатахъ, корридорахъ и въ больничныхъ дворахъ—такъ рассказываетъ авторъ—тяжело было дышать отъ сирады. Больничные мужчины, сидѣлки а ихъ дѣти спали въ палатахъ вмѣстѣ съ больными. Жаловались, что житья нѣтъ отъ таракановъ, клоповъ и мышей. Въ хирургическомъ отдѣленіи не переводилась рожь. На всю больницу было только два скальпеля и ни одного термометра, въ ваннахъ держали картфель. Смотритель, кастелянша и фельдшеръ грѣбли больныхъ, а про стараго доктора рассказывали, будто онъ занимался тайной продажей больничнаго спирта и завелъ себѣ изъ сидѣлокъ и больныхъ женщинъ цѣлый гаремъ. Въ городѣ отлично знали про эти безпорядки и даже преувеличивали ихъ, но относились къ нимъ спокойно: одни оправдывали ихъ тѣмъ, что въ больницу ложатся только мѣщане и мужики... и т. д. Это — о больницѣ вообще, а вотъ объ одной изъ палатъ въ частности. «Стѣны здѣсь вымазаны грязно-голубой краской, потолокъ закопченъ, какъ въ курной избѣ—воня, что здѣсь зимой дышатъ печи и биваетъ угарно. Окна изнутри обезображены желѣзными рѣшетками. Полъ сыръ и завонялъ. Волеетъ кшелою капустой, фитильною гарью, клопаня и амиакомъ, и эта воня въ первую минуту производитъ на насъ такое впечатлѣніе, какъ будто вы входите въ зѣбрищецъ. Въ комнатахъ стоятъ кровати, предназначенныя къ полу. На нихъ сидятъ и лежатъ люди въ самыхъ больничныхъ халатахъ и, по старинному, въ колпакахъ. Это сумасшедшіе».

По этой больницѣ можно уже судить о томъ уѣздномъ городѣ, куда насъ завелъ авторъ. Признается, съ трудомъ вѣрится всѣмъ ужасамъ, рассказаннымъ

здѣсь. Правда, авторъ считаетъ долгомъ предупредить насъ, что этотъ городъ отстоитъ въ 200 верстахъ отъ желѣзной дороги. Но, тѣмъ не менѣе, все-же страшнымъ и чуждымъ остается все описанное имъ. Да вѣдь это—тотъ самый городъ, въ которомъ нѣкогда царилъ Антошъ Антоновичъ Сквозникъ-Дмухановскій, гдѣ сторожа въ присутственныхъ мѣстахъ свое грязное бѣлье развѣшивали и бурны свиньи бумагу изъ суда тащали, гдѣ и больныхъ и здоровыхъ грабли и «по чину» и безъ соображенія всякихъ чиновъ. Словомъ, это совершенно гоголевскій городъ, какимъ то чудомъ замороженный отъ вліянія времени и всякихъ условій окружающей жизни, и нынѣ вызванный передъ нашими глазами изъ мрака забвенія во всей своей первоначальной неприкосновенности.

Откуда авторъ взялъ этотъ мертвый городъ—мертвый не потому, что въ немъ мало людей, мало жизни и дѣятельности, но потому, что въ немъ и невозможна вовсе жизнь, человѣческая жизнь? Точно ли у насъ таковы уѣздные города, что въ нихъ неминуемо чахнетъ и пропадаетъ все молодое, свѣжее и, какъ выражается одно лицо въ рассказѣ,—«за двадцать лѣтъ я нашелъ во всемъ городѣ одного только учнаго человѣка, да и тотъ сумасшедшій»? И дѣйствительно, это такъ, т. е. изъ всѣхъ лицъ, представленныхъ въ рассказѣ, единственно сколько-нибудь симпатичнымъ является сумасшедшій, всѣ же остальные—опять таки замороженные гоголевские герои, которые не только всю сущность свою прежнюю сохранили, но и всю внѣшность свою цѣликомъ удержали. Мы видѣли выше, каковъ былъ докторъ, который изъ больныхъ женщинъ сдѣлалъ себѣ гаремъ и занимался тайной продажей больничнаго спирта. Немногимъ лучше и другой докторъ: молодой, вѣроятно, недавно еще со студенческой скамьи, онъ какъ то сразу пришелся по тому болоту, которое представляетъ собою описываемый городъ, и между прочимъ, «во всей квартирѣ у него есть только одна книга—«Новѣйшіе рецепты вѣнской клиники», по которой онъ и лечитъ своихъ пациентовъ. Затѣмъ тутъ есть мѣстный почтмейстеръ, который, пожалуй, лучше будетъ гоголевскаго Шпекина: если кто-либо изъ посетителей почтовой конторы не соглашается съ тѣмъ нибудь или начинается разсуждать, почтмейстеръ багровѣетъ, трясется всѣмъ тѣломъ и кричитъ громовымъ голосомъ:—«замолчать!»—такъ что за почтовниціи отдѣленіемъ установилась репутація учрежденія, въ которомъ страшно бывать. — И такъ далѣе. Кто только ни вводитъ въ новый рассказъ г. Чехова, прямо поражаетъ своимъ совершен

нимъ несоответствіемъ ни времени, ни мѣсту. Даже сторожъ при больницѣ, отставной бравый солдатъ Никата, и тотъ какъ-бы впрочью описанъ съ Держиморды и раздаетъ оплеухи и тумакъ больнымъ не хуже и не съ меньшимъ рвеніемъ, чѣмъ это дѣлалъ Держиморда въ отношеніи здоровыхъ. Словомъ, мы имѣемъ дѣло здѣсь съ мертвымъ, въ полномъ и ужасномъ смыслѣ, мертвымъ городомъ. Повторяемъ, трудно мириться съ возможностью такого явленія, даже какъ исключительнаго. Но повѣримъ автору на-слово, допустимъ, что фонъ его картины вѣренъ и правильно описанъ. Посмотримъ, въ чемъ же сюжетъ картины, какія страсти разыгрываются на избранномъ имъ фонѣ.

III.

Вся суть дѣла въ томъ, что болото, именуемое уѣзнымъ городомъ россійской имперіи, засосало въ конецъ одного изъ интеллигентныхъ людей нашего времени. На мертвой ткани выведешь и узоръ мертвый—въ этомъ, повидимому, вся цѣль автора.

Кто же этотъ несчастный? — Самъ онъ о себѣ рассказываетъ такъ.

«Мой отецъ далъ мнѣ прекрасное образованіе, но подъ вліяніемъ идей шестидесятихъ годовъ заставилъ меня сдѣлаться врачомъ. Мнѣ кажется, что если бы я тогда не послушался его, то теперь я находился бы въ самомъ центрѣ умственнаго движенія—вѣроятно былъ бы членомъ какого-нибудь факультета. Конечно, умъ тоже не вѣченъ и проходящъ, но вы уже знаете, почему я питаю къ нему склонность. Жизнь есть досадная ловушка. Когда мыслящій человѣкъ достигаетъ возмужалости и приходитъ въ зрѣлое сознаніе, то онъ невольно чувствуетъ себя какъ-бы въ ловушкѣ, изъ которой нѣтъ выхода. Въ самомъ дѣлѣ, противъ его воли вызываютъ онъ какими-то случайностями изъ небытія къ жизни... Зачѣмъ? Хотеть онъ узнать смыслъ и цѣль своего существованія, ему не говорятъ, или же говорятъ негѣпость; онъ стучится — ему не отворяютъ; къ нему приходитъ смерть—тоже противъ его воли. И вотъ, какъ въ тюрьмѣ, люди, связанные общимъ несчастіемъ, чувствуютъ себя легче, когда сходятся вѣстѣ, такъ и въ жизни не замѣчаешь ловушки, когда люди, склонные къ анализу и общеніямъ, сходятся вѣстѣ и проводятъ время въ обихѣ гордыхъ, свободныхъ идей».

Самое странное во всемъ этомъ безспорно то, что никакъ не уловишь, что все это означаетъ: есть-ли это со стороны автора тонкая, ядовитая иронія надъ современнымъ Клифъ Мокіевачемъ, который отличается

отъ своего знаменитаго предка лишь тѣмъ, что усвоилъ себѣ нѣсколько ходячихъ идей и ничего не стоящую современную фразеологию, или же авторъ и впрямь принимаетъ своего героя за гордаго страдальца, видѣннаго, можно сказать, въ уѣздное болото Прометей, которому мировая скорбь терзаетъ сердце? И вѣдь въ самомъ дѣлѣ, авторъ себѣ самому не уяснилъ этого вопроса, и оттого это колеблющееся отношеніе къ своему герою: то онъ будто возводитъ его на пьедесталъ мученика, то будто посмѣивается надъ нимъ. И чѣмъ дальше подвигается рассказъ, тѣмъ эта двойственность въ отношеніи автора къ изображаемому имъ лицу выступаетъ рѣзче и рѣзче.

Прожиши двадцать лѣтъ въ городѣ, нашъ врачъ отъ постоянного философствованія и чтенія разныхъ унылыхъ книгъ начинаетъ въ умѣ мѣшаться. И даже тутъ никакъ нельзя разобрать: дѣйствительно-ли онъ сходится съ ума, или же онъ только поднимается на такую высоту философскаго мышленія, что окружающіе его дринные людишки не въ состояніи слѣдовать за нимъ и потому объявляютъ его сумасшедшимъ; даже и этотъ вопросъ авторъ не разрѣшилъ себѣ, и отъ этого происходитъ то, что все длинное воспроизведеніе всевозможныхъ разговоровъ, какіе велъ его герой, не только ничего не прибавляетъ къ рассказу, но только затемняетъ его смыслъ и дѣлаетъ все повѣствованіе необычайно скучнымъ. Для примѣра философскихъ умствованій нашего героя, приведемъ хотя бы слѣдующую выдержку. «Къ чему мѣшать людямъ умирать,—задаетъ онъ себѣ вопросъ,—если смерть есть нормальный и законный конецъ каждаго? Что изъ того, если какой-нибудь торгошъ или чиновникъ проживетъ лишнихъ пять, десять лѣтъ? Если же видѣть цѣль медицины въ томъ, что лекарства облегчаютъ страданія, то невольно напрашивается вопросъ: зачѣмъ ихъ облегчать? Во-первыхъ, говорятъ, что страданія ведутъ человѣка къ совершенству и, во-вторыхъ, если человѣчество, въ самомъ дѣлѣ, научится облегчать свои страданія пилюлями и каплями, то оно совершенно заброситъ религію и философію, въ которыхъ до сихъ поръ находило не только защиту отъ всякихъ бѣдъ, но даже счастье».

Въ такихъ «умствованіяхъ» отъ совершенной праздности докторъ проводитъ все время, пока наконецъ попадаетъ въ описанную выше сумасшедшую палату для сумасшедшихъ. Хотя онъ равнѣе «умствовать», между прочимъ, а на тему о разницѣ между кабинетомъ и больничной палатой и выходятъ, что въ каждой обстановкѣ человѣкъ можетъ быть совершенно доволенъ и покоренъ,

Находя свое счастье в себе самом, хотя онъ доказывалъ, что боль есть не болье, какъ живое представлѣніе о боли и отъ собственной воли зависить не чувствовать вовсе боли, — однако, попавши въ палату сумасшедшихъ въ качествѣ пациента сторожа Никиты, докторъ сразу палъ духомъ. Онъ сталъ буйнать и съ шумомъ требовать своего освобожденія и добился только того, что испробовалъ на своей физиономіи дѣйствіе здоровенныхъ кулаковъ Никиты. Въ первую же ночь съ нимъ случился ударъ, отъ котораго онъ и отдалъ Богу свою многогрѣшную душу. X

Вотъ вамъ и вся оущаюсть новаго разсказа г. Чехова. Какой же, спросите вы, смыслъ вытѣть все разсказанное, какаа мораль изъ всего этого слѣдуетъ? А ужъ отвѣтить на этотъ вопросъ не возьмемся: это секретъ автора, котораго онъ намъ не открылъ — но крайней мѣрѣ, въ самомъ разсказѣ вы тщетно стали бы искать отвѣта.

Къ этому надо прибавить только одно: и съ внѣшней стороны новый разсказъ, на нашъ взглядъ, менѣе удаченъ чѣмъ многіе изъ прежнихъ. Манера письма у г. Чехова вначуть лучше не сдѣлалась, это — манера, заимствованная на прокатъ у Л. Н. Толстого: но увѣренность теперь слышится гораздо больше, чѣмъ прежде, и очень много оиѣмости. Поэтому самыя запутанныя и сложныя положенія г. Чеховъ трактуетъ чрезвычайно легко, просто и развязно — в не спроектъ, это производитъ крайне дурное впечатлѣніе. Не говоримъ уже о длинныхъ описаніяхъ душевной жизни сумасшедшихъ — описаніяхъ, которыя представляютъ, конечно, чистѣйшій плодъ авторской фантазіи: мы ихъ ни проверять, ни опровергнуть не имѣемъ возможности, а сами по себѣ они мало интересны. Но на послѣдней страницѣ разсказа авторъ старается прослѣдить жизнь своего героя до послѣдняго его вздыханія. Опять это фантазія, да еще фантазія почти цѣлкомъ заимствованная у гр. Толстого и дурно приложенная къ дѣлу. И знаменитому писателю не удавалось подобныя сцены, и люди понимающіе не безъ основанія сѣтовали на то, что писатель беретса за нихъ. Но такъ была, по крайней мѣрѣ, страшная сила огромнаго творческаго дарованія, былъ оригинальное, самостоятельное проникновеніе, стремленіе приглядеть въ самыя откровенныя тайны жизни и смерти. А тут... тутъ смѣшина погула какъ бы удачно передразнить Толстого. Какъ же нужно такое описаніе смерти?

М. Юннинъ.

М. Юннинъ